

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-85-101>

УДК 721.057.2

ББК 11.4

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Ю.С. Наумова

г. Киров, Россия

ИНТЕРЬЕР КУХНИ КАК ПРОСТРАНСТВО ПОВСЕДНЕВНОСТИ: КУЛЬТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: Интерьер кухни — это предметно-пространственная среда, которая включена в повседневную жизнь человека и отвечает как на материальные, так и на духовные запросы общества. Данное исследование сосредоточено на рассмотрении категории пространства интерьера кухни в контексте семиотики культуры — одного из направлений исследования повседневности. Каждый исторический этап, социальная группа оказывают влияние на пространство, окружающее человека. Интерьер кухни как часть жилого пространства является носителем смыслов, отражает систему ценностей человека определенной эпохи. В статье рассматриваются семиотические аспекты интерьера кухни, включающие культурную ценность зоны приготовления и принятия пищи, которая может определяться как утилитарная, религиозная, нравственная, социально-статусная, эстетическая. Исследуется изменение культурной ценности интерьера кухни, его границ, соотношение с центром дома в русской повседневной культуре по вертикали развития. Выделяются следующие периоды для анализа: догосударственная эпоха культуры древних славян, период русской культуры с основания древнерусского государства в IX в. до XVII в., период императорской России, советский, постсоветский этап и современность. В итоге диахронного рассмотрения пространства кухни формируется представление о его семиотических гранях, характерных для разных эпох, выявляются особенности и закономерности развития.

Ключевые слова: интерьер, кухня, культура, повседневность, семиотика, пространство, дизайн.

Информация об авторе: Юлия Сергеевна Наумова — кандидат искусствоведения, доцент кафедры технологии и дизайна, Вятский государственный университет, ул. Московская, д. 36, 610000 г. Киров, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8611-1702>

E-mail: u-naumova00@mail.ru

Дата поступления статьи: 15.09.2024

Дата одобрения рецензентами: 15.04.2025

Дата публикации: 25.09.2025

Для цитирования: Наумова Ю.С. Интерьер кухни как пространство повседневности: культурно-семиотический аспект // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 85–101. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-85-101>

Начиная с конца XX в. пристальное внимание уделяется среде обитания человека, в частности жилому интерьеру, что связано с процессами гуманизации в обществе, стремлением повысить качество жизни населения. Предметно-пространственная среда современности предполагает индивидуализацию в контексте образа жизни, ценностей, вкусов, социального статуса владельца и получает свое физическое воплощение посредством дизайна. Дизайн сегодня интегрируется в пользовательский опыт, актуализируя рассмотрение разных сторон объекта проектирования — материальных, духовных, и как междисциплинарная область знаний имеет взаимосвязь с культурой.

Как отмечает Барсукова Н.И., с тех пор как в XX в. ведущим объектом исследования и инструментом для проектирования жилой среды стала культура повседневности, архитектура и дизайн полностью проникают в быт человека [3, с. 328]. Исследование посвящено семиотическим аспектам кухни как части жилого интерьера в русской повседневной культуре. Такие вопросы обычно включаются в работы по изучению интерьера жилого пространства в целом [3, 13, 16, 21, 25]. По значимости зона приготовления и принятия пищи заслуживает самостоятельного рассмотрения как место, связанное с традиционными семейными духовно-нравственными ценностями, как пространство поддержки родственных и дружеских связей.

Зона приготовления и принятия пищи занимает одно из основных мест по ценности в жилом интерьере современности. В обыденной жизни часто можно встретить выражение, что кухня — это «сердце» дома. Кухня с утилитарной позиции является пространством выполнения практических функций, связанных с процессами приготовления и принятия пищи. С социальной точки зрения функция кухни — это место сплочения, общения, взаимодействия членов семьи и ее ближайшего окружения. С эстетической позиции она стилистически взаимосвязана с интерьером всего помещения, — ее художественно-образному решению уделяется существенное внимание.

Каждый исторический этап, социальная группа оказывают влияние на пространство, окружающее человека. Интерьер кухни как часть жилого пространства отражает вкусовые, эстетические, функциональные предпочтения владельца, а также аксиологические тенденции времени или культурной общности.

Основное назначение жилого интерьера — создание условий повседневной жизни человека, обеспечения его нужд. Различные потребности удовлетворяются в определенной части жилища. Кухня — часть обыденной жизни человека, место ежедневных практик в рамках определенной культурно-исторической эпохи. Следовательно, данное место является частью повседневной культуры. Культура повседневности — это одно из направлений исследований семиотики культуры. Семиотические аспекты интерьера кухни связаны с культурной ценностью пространства приготовления и приема пищи и такими понятиями как центр и границы данной зоны внутри жилого пространства [13, с. 96–97].

Цель данной работы — рассмотреть культурно-семиотические аспекты интерьера кухни в русской повседневной культуре, выявить особенности и закономерности развития на различных исторических этапах. Задача исследования — обозначить основные периоды развития интерьера кухни, определить его границы и расположение в плане жилища в каждый из них, соотнести местонахождение пространства кухни с культурным центром дома.

Данная цель может быть достигнута, по нашему мнению, в рамках культурно-семиотического подхода, успешно применяемого в таких областях как искусство, литература, религия, массовая культура и т. д.

Семиотика культуры — раздел семиотики, представляющий культуру в виде системы знаков и текстов. Среди зарубежных трудов, исследующих данное направление, необходимо выделить работы Р. Барта, У. Эко, Ч. Морриса, Р. Якобсона, Ж. Бодрийяра. Культурно-семиотический подход к изучению истории, представлен в работах С.С. Аверинцева, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, В.В. Иванова, М.С. Кагана, В.Д. Лелеко, С.Т. Махлиной, и др.

По Ю.М. Лотману поведение человека, его жизнь, окружающая среда, быт могут иметь знаково-символический смысл [14, с. 10–11], что открывает нам возможность для семиотического анализа интерьера кухни как иерархической знаковой системы, где пространство кухни — это знаковая система, а предметная обстановка — элементы системы.

Наряду с культурно-семиотическим подходом использовались сравнительно-исторический и хронологический метод. Согласно сравнительно-историческому методу исследование зоны приготовления и принятия пищи жилого пространства построено на рассмотрении исторических периодов по временной вертикали, выделенных в соответствии с наиболее важными политическими, экономическими и социальными изменениями в обществе. Хронологический метод необходим для поэтапного последовательного анализа объекта исследования в контексте обозначенных ступеней развития.

Пространство — одна из фундаментальных, наиболее абстрактных категорий философии, объективная форма существования материи. Пространство в математике — это логически мыслимая структура, служащая средой для других форм и конструкций. На рубеже XIX–XX вв. пространство становится одним из базовых понятий теории архитектуры [7, с. 55].

Интерьер кухни заполняет внутреннюю часть какого-либо здания, следовательно, является частью архитектуры. Его можно отнести к архитектурному пространству или среде, в которой материальные объекты организуются в различных комбинациях. В зависимости от исторического этапа физические характеристики пространства и предметной обстановки претерпевают изменения в силу политических, экономических, идеологических, культурно-эстетических причин. Таким образом, интерьер кухни является материальным воплощением процессов, происходящих в обществе в определенную историческую эпоху.

Культурно-семиотический подход к исследованию интерьера кухни обнаруживает точки соприкосновения с архитектурной теорией. В научном анализе XX в., чтобы охватить универсальность понятия пространство, стали выделять три среза: физический, концептуальный и перцептуальный [10, с. 51]. Культурные смыслы повседневной жизни человека, пишет В.Д. Лелеко, реализуются в концептуальном (культурном) пространстве, которое образует единство физического (геометрического) и перцептуального пространства, т. е. архитектурного пространства и пространства, воспринимаемого человеком с помощью его сенсорных систем [13, с. 90–92].

Культурно-семиотические аспекты повседневного пространства кухни выражены многоплановой культурной наполненностью: утилитарной, нравственной, религиозной, социально-статусной, эстетической, которые перестраиваются в своей иерархии в зависимости от исторической эпохи и уровня развития общества.

Физическое пространство повседневности имеет центр — это дом. Культурная наполненность имеет связь с такими доминирующими характеристиками как границы и центр дома. Первая по значимости — граница или предел. Ограничивание —

потребность, свойственная природе человека. Центр в свою очередь дифференцирует и структурирует пространство. Центр физического пространства и центр культурного пространства нередко расходятся. Культурная ценность пространства наиболее высока в центре и снижается при приближении к периферии и границам [13, с. 96–97]. Граница пространства кухни организуется материальными объектами — стеной, перегородкой, каким-либо предметом обстановки или очерчивается условно, например, цветом стен, потолочными конструкциями.

Развитие отечественного интерьера кухни на разных исторических этапах связано с изменением культурной ценности данного пространства, что в свою очередь отражалось на его границах и расположении в доме.

С древнейших времен до XX в. культурная ценность места приготовления и приема пищи связана с понятием сакральности предметов и явлений у всех цивилизованных народов [13], в том числе у славян, составивших впоследствии большинство населения древнерусского государства. Изначально сакральность выражалась в языческих религиозных представлениях. Култ дома и домашнего очага возник при переходе от охоты и собирательства к оседлому образу жизни и земледелию, при появлении стационарного жилища, возникновении поселений и прилегающих к ним территорий [23, с. 152–153].

Место приготовления и приема пищи было тесно связано с понятием огня и очага. Приготовление еды способом термической обработки осуществлялось на огне. Огонь почитался в разных культурах, наделялся магическим смыслом, считался светлой стихией [2, с. 4–8]. Самой ранней формой устройства для разведения, поддержания огня, приготовления пищи был очаг [19, с. 9].

Очаг у древних славян, живших родами, был единым для всех. Пища, готовящаяся здесь, предназначалась для общей трапезы. Общий очаг символизировал для рода единство духовного и материального мира [1, с. 9]. Огонь, разведенный в доме, охранял мир, счастье членов рода. Следовательно, очаг наделялся двойной функцией — магической и практической и соотносился с сакральным и утилитарным центром дома, поэтому можно говорить о единстве культурного центра дома в зоне приготовления еды и проведения трапезы.

В IX в. с основанием древнерусского государства, начинает формироваться русская культура, происходят изменения в религиозной, социальной сфере, начинают складываться феодальные отношения [24, с. 244–247], что нашло отражение в повседневном пространстве дома. Появление классового общества стало основой развития жилища в двух направлениях в зависимости от степени достатка его владельца: дома для состоятельного сословия и дома для крестьян, каждое из которых имело свои особенности.

Понятие о доме как о здании в Древней Руси формируется к концу XIII в. и определяется словами: дом, изба, хата [12, с. 206]. Его границы обозначаются стенами (с окнами и дверьми) и крышей, культурные функции которых — отделение от внешнего пространства и защита. Так зона приготовления и принятия пищи становится частью «своего» внутреннего или частного пространства дома [13, с. 147–148].

Повседневное пространство кухни, его культурно-семиотические аспекты, формируются, во-первых, за счет архитектурных элементов, таких как пол, стены, потолок, во-вторых, за счет материальных объектов — предметной обстановки. Ж. Бодрийяр писал:

Каждый из предметов нашего быта связан с одним или несколькими структурными элементами, но при этом обязательно ускользает от технологической структурности в сферу вторичных значений, от технологической системы в систему культуры [6, с. 22].

Бытовые вещи эволюционируют, совершенствуются человеком в результате развития науки, техники и влияют на культурную ценность пространства, его границы. Эволюция элементов предметной обстановки отражается на культурно-семиотической функции жилого пространства и его зон. С этой позиции важным элементом является очаг или печь.

В. Лелеко выделяет очаг в качестве основной вещи, влияющей на развитие интерьера кухни и его культурную ценность [13, с. 165]. Рассмотрим значение очага в крестьянском доме. Очаг в Древней Руси технически совершенствовался, на смену ему пришла печь [5, с. 253]. Печь хорошо отапливала все пространство внутри избы, не разделенное на комнаты, что наиболее соответствовало суровому климату большинства русских земель, длительно обеспечивая тепло, была более практичной в силу большей пожаробезопасности, экономичности и многофункциональности. Таким образом, кухня не изолируется в отдельное помещение, как, например, в XI в. у западных славян [18, с. 358–360].

В крестьянском доме не было деления перегородками, но присутствовало строгое функциональное и смысловое зонирование. В «печном углу» готовилась еда. В «красном углу», расположенном по диагонали от печи, где висели иконы, находилось место трапезы [5, с. 212–251]. Противопоставление «печного» и «красного» углов является важным культурно-семиотическим аспектом.

Принятие христианства стало ключевым моментом при формировании религиозного культурного смысла зоны приготовления и принятия пищи. В избе организуются два сакральных центра: христианский — «красный угол», зона принятия пищи, языческий — «печной угол», зона приготовления пищи [2, с. 130]. Печной угол стал вторым центром, так как пережитки языческих верований еще долго сохранялись в сознании русского народа.

Помимо религиозного смысла, зона приготовления и принятия пищи имела социально-статусную культурную роль. Данные центры связаны с противопоставлением мужское — женское, что являлось следствием распределения семейных и социальных ролей. «Печной угол» — женский, его также называли «бабий угол», «красный угол» — мужской [13, с. 168]. Домашнее хозяйство и, в частности приготовление пищи, традиционно женская работа, которая по статусу всегда считалась ниже мужской деятельности.

Культурную иерархию имело распределение мест за столом во время приема пищи. Наиболее высокой культурной ценностью обладало место в середине стола, под иконами, которое считалось самым почетным [2, с. 150]. Здесь сидел хозяин — мужчина, рядом ним самые уважаемые гости, священник. «Женская лавка», где сидели женщины и дети, располагалась дальше других от главы семейства [2, с. 150]. Распределение ролей в печном и красном углах и расположение членов семьи за столом демонстрирует патриархальный уклад социальных отношений внутри русской семьи.

Таким образом, культурный центр смещается в зону принятия пищи в крестьянском доме. Печной угол считается вторым центром, но по значимости он ниже, так как связан с пережитками прежних верований [9, с. 9] и местом женской работы.

Если модель зоны приготовления и принятия пищи крестьянского жилища сохраняется с небольшими изменениями до XX в. [5, с. 441], то в богатых домах ситуация обстоит иначе, что связано с усложнением планировки жилища, изменением функций очага.

Говоря о домах состоятельного сословия, мы подразумеваем князей и наиболее знатных вельмож-горожан. Жилище среднего дворянина, по сведениям XVI–XVII вв., было простым, даже грязным, мало отличалось от крестьянского дома [8, с. 17]. Боярские и княжеские дворцы включали, как упоминается в русской летописи: избу для личного пользования владельца, палаты (приемные помещения), терем, сени, спальню, медущу — винный погреб. На дворе располагались хозяйственные постройки: клети, поварни, конюшни, ремесленные мастерские, амбары, а также избы для челяди и приближенных [22].

По мере появления в жилище комнат различного назначения происходит разделение функций печи, что ведет к смене культурно-семиотического значения пространства кухни в домах состоятельного сословия. В IX–XVII вв. для процессов приготовления пищи отводились отдельные постройки или помещения, которые относились к числу хозяйственных — поварня, стряпущая изба, пивоварня, хлебня. В поварнях функцию приготовления пищи выполнял открытый очаг с котлом. В XVII в. в поварнях богатых усадеб появились сочетания печей и очагов [32, с. 115–120]. Функцию отопления выполняли печи, камины, жаровни. Таким образом, функции отопления и приготовления еды отведены различным устройствам, в отличие от крестьянского дома, где печь была полифункциональна — выполняла функции отопления, приготовления пищи, сна, мытья. Разделение функций печи — важное культурное явление, основа формирования самостоятельного повседневного пространства для осуществления процессов питания.

Культурную ценность поварни в домах состоятельного сословия можно определить по расположению в плане жилища. Культурно-семиотическим смыслом наделялись этажи здания. Первый этаж традиционно предназначался для прислуги и хранения запасов. Второй этаж парадный — место приема пищи — пиры для большого количества человек в парадных палатах. Поварня находилась в отдельной хозяйственной постройке рядом с дворцом или в подклете здания, т. е. на первом этаже, имела низкие санитарно-гигиенические характеристики, пищу здесь готовила прислуга [22]. Следовательно, зона приготовления пищи имела низкую культурную ценность.

Как пишет Лелеко, на данном этапе можно говорить о снижении культурного статуса и частичной десакрализации процесса приготовления пищи в связи с расположением кухни на периферии жилого пространства или рядом с ним [13, с. 166]. Культурная роль зоны приготовления пищи в этот период заключалась в его утилитарной функции.

Зона принятия пищи противопоставляется по ценностному смыслу зоне приготовления еды. Столовая становится культурным центром в домах состоятельного сословия. Она несет социально-статусную, эстетическую роль, являясь парадным помещением, интерьер которого отражал стилевые черты, характерные для определенного периода истории и социальной группы. В стилевом отношении наблюдалось соединение русской и западноевропейской культур [13, с. 166]. Столовая наделяется духовно-нравственной ценностью как место, связанное с традициями собирающихся за столом во время трапезы.

Социально-статусную иерархию отражала рассадка за столом. Известна информация об обедах князей, бояр, дворянства. Для великокняжеских обедов в столовой

палате ставились столы в несколько рядов. Центральное по значимости место отводилось царю. Царь сидел на возвышенном месте, рядом с ним в порядке убывания значимости братья или митрополит, затем вельможи, чиновники, простые воины [9, с. 545–551]. Социальный статус символизировала посуда и сама пища: на царских обедах посуда была из золота и серебра, богатством и разнообразием отличались приготовленные блюда. На боярских обедах использовалась деревянная посуда, посуда из олова подавалась знатным и почетным гостям.

В период XVIII – начала XX в. усиливается взаимодействие с западноевропейскими странами, начинается индустриализация страны. В XVIII в. особенно важные изменения в пространстве кухни коснулись дворцовых интерьеров. В этот период происходит осознанная попытка придания зоне приготовления пищи наравне со столовой высоких эстетических свойств, а также введения технических инноваций. Речь идет о кухнях эпохи Петра I в стиле «голландское барокко» [17].

В петровскую эпоху появилось функциональное разнообразие комнат в дворцовых постройках представительского типа: парадные залы, столовые, гардеробные, гостиные, а также парадные кухни. В XVIII в. термины «поварня», «изба поваренная», «изба стряпущая» стали заменяться словом «кухня», так как исчезли очаги, с которыми было связано название этих помещений. Вместо очагов стали устанавливать печи [32, с. 120].

В дворцах эпохи Петра всегда присутствовала кухня, имевшая статус парадной: в ее отделке использовались мрамор, изразцы и иные дорогие редкие материалы. Такие помещения для приготовления пищи размещались не в отдельной постройке, а рядом с приемными и другими парадными [11, с. 93–94]. Здесь собирались члены семьи и гости для трапезы и общения. В стилистическом решении парадных кухонь нашли отражение черты голландского барокко, которому Петр I отдавал свои вкусовые предпочтения [17]. Помимо эстетики, зона приготовления пищи наполняется техническими новшествами, такими как вытяжка, раковина для мытья посуды, водопровод [36], что делает пространство кухни близким к современной модели.

Таким образом, кухня в интерьере дворцов как место приготовления пищи имеет утилитарную, социально-статусную, эстетическую, духовно-нравственную культурную ценность, но на краткосрочный период, являясь модным веянием времени.

К основной тенденции повседневного пространства приготовления пищи дворянской усадьбы в культурно-семиотическом срезе как в деревне, так и в городе относится его низкая ценность. Кухня являлась грязным подсобным помещением, обычно располагалась в отдельной постройке. Здесь готовила пищу и проводила время прислуга. Культурная роль кухни заключалась исключительно в утилитарной функции.

Место употребления еды в данный период сохраняет высокую культурную ценность. В петровскую эпоху на европейский манер пищу принимали в одной из парадных комнат [4, с. 100]. Столовые возвращаются в дома состоятельного сословия в 1770 гг., находятся в анфиладе парадных комнат и по размеру лишь немного уступают залу [29, с. 144–145]. Пространство столовой стилистически связывается с интерьером всего помещения, сочетает эстетическую, социально-статусную, духовно-нравственную, утилитарную культурную ценность.

Следующий важный этап в отношении пространства кухни — 1830–1880 гг., когда роль жилого интерьера в сравнении с предыдущими периодами возрастает, так как появляется интерес к личности, вкусовым предпочтениям владельца дома, а также комфорту жилья. Формируется новая планировка особняков — центрическая. Чаше

всего центром пространства дома становится холл, который выполняет функцию гостиной, приемной, иногда столовой или выставочного зала [28, с. 16–17]. Место принятия пищи сохраняет высокую культурную ценность.

На рубеже XIX–XX вв. изменения происходят и в доходных домах. Формируется типовая квартира с линейной анфиладно-коридорной планировкой [28, с. 17], в которой было два выхода. Первый — парадный, соединял квартиру с улицей через прихожую, второй — черный, вел во двор через кухню. Данная планировка повторялась на всех этажах дома. Место приготовления еды сохраняет низкую культурную ценность.

На рубеже XIX–XX в. развитие жилого интерьера проходит под знаком технического прогресса. В этот период в особняках и доходных домах распространяются технические новшества: электричество, пароводяное отопление, водопровод, канализация. На кухне вводятся санитарно-гигиенические нормы, в результате она становится чистым помещением, но, как и прежде, относится к числу подсобных. На рубеже веков комфортабельность жилья, продуманность каждого помещения с точки зрения удобства выходит на первый план. При расположении кухни в подвале или на верхнем этаже здания, рядом со столовой всегда устанавливались подъемники. В городе выбор комнаты для столовой также определялся удобством ее расположения по отношению к кухне [28, с. 41]. Культурная ценность кухни в данный период остается низкой, сводясь к утилитарной функции, но технический прогресс заложил предпосылки для формирования новых смыслов в данном пространстве. Столовая продолжает выполнять эстетическую, социально-статусную, духовно-нравственную, практическую роль в домах состоятельного класса, обладая высокой культурной наполненностью.

Начало XX в. — это граница, новый этап в понимании культурно-семиотической составляющей всей предметно-пространственной среды обитания человека, в том числе интерьера кухни.

В. Лелеко говорит о полной десакрализации пространства кухни в контексте совершенствования устройств для приготовления пищи и отопления. Открытый огонь заменяется специальными приборами, что подразумевает окончательное освобождение места термической обработки пищи от мифологически-религиозного языческого смысла и утверждает современный тип повседневности на функциональной основе [13, с. 169].

Вопрос функциональной базы затрагивает Ж. Бодрийяр в своей работе «Семиотика вещей» [6]. Он пишет о смене культурно-семиотической роли жилого пространства в контексте смены типа производства и переходе общества с традиционной системы на функциональную. Традиционная система периода ручного труда замкнута: у каждого предмета в интерьере один смысл, назначение и низкая мобильность, как и у членов семьи в обществе. В функциональной системе периода промышленного производства индивид становится свободнее в отношениях с семьей и обществом, что отражается на организации жилого пространства [6, с. 40]. Предметная обстановка превращается в мобильную и многофункциональную. Пространство открывается, устраняется деление на комнаты — децентрализуется. Вещи больше не наделяются сакральным смыслом, отношение к ним сводится к комбинаторике. В 1920 гг. происходит постепенный переход на функциональную систему в разных странах, которую пропагандировали возникшие центры дизайна. В Германии таким центром был Баухауз, в России — ВХУТЕМАС-ВХУТЕИИ, ставший истоком отечественных авангардных проектов [30, с. 12–13].

В России, с началом советского периода и приходом новой власти, меняется классовая структура населения, инициируется массовая урбанизация, индустриализация, происходит переосмысление женской роли в обществе, что не могло не отразиться на культурно-семиотической функции жилого интерьера, в том числе пространства кухни. Создаются места общественного питания как основные по отношению к домашнему приему пищи, сокращается площадь жилых пространств из-за дефицита жилья. В теориях по перестройке быта [27, с. 245–248] первостепенное значение отводится бытовому коллективу, а не семье. Результатом данных процессов становится уменьшение культурного значения кухни в интерьере.

Отечественные авангардные проекты жилого пространства [30, с. 253–261] наглядно демонстрируют принципы послереволюционной идеологии государства: зона приготовления пищи отсутствует, либо сведена к предельному минимуму. Разрабатываются новые планировки, в том числе функциональные интерьеры с открытым зонированным пространством, о которых писал Ж. Бодрийяр [6, с. 32–36]. В настоящее время такое жилье называется квартирой-студией.

Основными критериями разработки жилых интерьеров для пролетариата становятся: функциональность, соблюдение санитарно-гигиенических норм, экономичность [30, с. 256]. Культурная ценность кухни в интерьере на идеологическом уровне ограничивается строго утилитарным смыслом или вовсе исчезает вместе с самим пространством приготовления и принятия пищи. Но 1920 гг. авангардные проекты не были использованы в массовом масштабе из-за неготовности производства к глобальным изменениям. Жилье такого типа предназначалось для немногочисленной части рабочих, которые наиболее адаптировались к новым реалиям и поддерживали идеологию власти.

К данной категории относились дома-коммуны с интерьерами в стиле конструктивизм, предполагавшими функциональность предметов наполнения, встроенную и трансформируемую, в целях экономии пространства мебель [27, с. 248]. Дома-коммуны способствовали переустройству быта и отмиранию семьи. В планировку квартиры пространство кухни не включалось [23, с. 14–15]. Кухня была местом общего пользования, располагавшимся на одном из этажей здания наряду со столовой, клубом, читальней, детским садом, яслями.

Такое же значение имела кухня в другой категория жилья — деревянных бараках [34] и коммунальных квартирах, в которых покомнатно расселяли основную часть населения в начале советского периода [21, с. 88]. Зона приготовления и принятия пищи превращается из приватного пространства в общественное — место, где осуществляют процессы питания параллельно несколько семей. Особенностью повседневности жителей коммуналок 1920 гг. было напряженное общение на фоне резких социальных различий [21, с. 88–89].

В 1930–40 гг. в отношениях жильцов коммуналок происходят положительные изменения: соседи постепенно привыкают друг к другу и находят общий язык [21, с. 96]. Таким образом, с одной стороны, кухня становится местом разобщения, раздора из-за дефицита пространства для каждого отдельного жильца. С другой стороны — местом объединения, центром сборов для общих разговоров, т.е. коммуникативным центром.

В 60 гг. XX в. возвращается понятие о доме как закрытом личном пространстве. В результате массового строительства жилья в период нахождения у власти Н.С. Хрущева (1955–1964) для рабочего класса появляются типовые индивидуальные квартиры

в многоэтажных домах — «хрущевки». Предметно-пространственная среда «хрущевок» основывалась на идее стандарта и функциональности. Маленькие изолированные кухни в таких квартирах были рассчитаны только на приготовление пищи [21, с. 99–101]. По проекту зона трапезы выносилась в другую комнату. Ограниченность пространства, неудобная планировка, низкие потолки обусловили минималистский подход к оформлению жилья, использование многофункциональной и эргономичной мебели [21, с. 101]. Сюда переезжали деревенские жители и жители городских коммуналок с устоявшимися представлениями о кухне как центре общения и взаимодействия [35]. В 80 гг. XX в. начинается строительство домов улучшенной планировки — «брежневки», площадь кухни в них увеличивается, что позволяет объединять зону приготовления и приема пищи в одной комнате [21, с. 105]. Культурная ценность кухни возрастает, она становится частью приватного жилого пространства.

Для партийно-советской элиты индивидуальное жилье появилось уже в 1930 гг. Постановление СНК СССР «Об улучшении жилищного строительства», принятое в 1934 г., положило начало возведению преимущественно в крупных городах добротных по советским меркам квартир, известных как «сталинки». Кухни здесь были изолированными, их площадь в зависимости от количества комнат составляла от 6 до 15-ти метров. В большинстве случаев размер кухни был небольшим. Для советской элиты проектировались также дома-коммуны. Например, дом ЦИК и Совета народных комиссаров на Берсеневской набережной в Москве, спроектированный архитектором Б. Иофаном и возведенный к 1933 гг. Квартиры имели площадь не менее 80 кв. м. Это был полностью автономный комплекс: здесь располагались магазины, почта, сберкасса, парикмахерская, медпункт, клуб, спортзал, солярий, теннисный корт, кинотеатр. Вывод об отношении к пространству кухни в домах-коммунах элиты можно сделать по ее небольшой площади (4–6 квадратных метров) и наличию общей зоны питания — столовой на первом этаже здания [38].

Таким образом, площадь зоны приготовления пищи и ее ценность в элитных интерьерах начала советского периода была незначительной. Идеология власти по созданию системы общественного питания взамен домашней пищи распространялась на все слои общества. В домах номенклатуры создавались условия для исключения кухни из личного приватного жилого пространства или минимизации ее культурной ценности до утилитарной функции.

С середины XX в. стилистический плюрализм, чаще всего эклектика, характерны для оформления интерьеров, в том числе столовой, у привилегированной части общества, переехавшей в новые дома. Здесь присутствовала сохранившаяся дореволюционная классическая мебель, подчеркивающая стремление к сохранению традиций в сочетании с импортными материалами и модными предметами наполнения [21, с. 113–114]. Поэтому, зона принятия пищи имела эстетическую, социально-статусную, духовно-нравственную, утилитарную наполненность, являясь культурным центром дома. Культурно-семиотическая роль интерьера кухни, как и прежде, заключалась в его утилитарной функции.

Таким образом, в начале советского этапа, кухонное пространство в домах различных слоев населения практически не имеет культурной ценности и находится вдали от культурного центра дома. В домах пролетариата коммунальная кухня, ставшая вначале причиной конфликтов и разобщения, впоследствии приводит к сплочению населения, дружественным отношениям и вопреки концепции по перестройке быта формирует к концу периода отношение к кухне как к духовному центру дома, а именно

месту общения и взаимодействия жильцов, которое получает свое развитие в дальнейшем. Зона принятия пищи в домах номенклатуры не теряет своей культурной ценности на протяжении всего периода.

После завершения советского этапа в последнее десятилетие XX в. кухонное пространство выходит из статуса подсобного помещения, в частности кухню как парадное место начинают объединять с гостиной [21, с. 114], что в корне меняет его культурно-семиотическую функцию. Ценность зоны приготовления пищи возрастает, в чем немаловажную роль сыграло влияние других культур, в первую очередь западноевропейской. На смену плановой экономике приходит рыночная, открываются границы, становится доступной новая информация по оформлению интерьеров, сначала через иностранные журналы, затем через сеть интернет. За счет импорта существенно расширяется материально-технологическая база. Данные возможности позволяют персонализировать жилой интерьер. Интерьер кухни претерпевает существенные изменения, приобретая не только духовно-нравственную, утилитарную, но и эстетическую, социально-статусную ценность.

В первое время процессы эстетизации пространства кухни находят отражение в более состоятельных домах, затем распространяются повсеместно. Вначале партийно-государственные деятели, элита, интеллигенция, «новые русские» стремились к гармонизации жилища, в том числе кухни через классические стили. Жилье демонстрировало успешность социализации владельцев [37]. С этого момента зона приготовления и принятия пищи все чаще объединяются в одном пространстве, выполняются в едином художественно-образном ключе, сочетаясь со стилистическим решением остальных частей дома.

Появляются индивидуальные планировки жилья, которые позволяют «играть» с пространством, подстраиваясь под образ жизни, вкус, бытовые предпочтения владельца [37]. Наряду с изолированными кухнями распространение получают кухня-гостиная, квартира-студия. В результате интерьер кухни становится не монопространством с ограниченным набором функций, а полипространством с множеством функциональных процессов: приготовление и прием пищи, отдых, общение, взаимодействие.

Как отмечает Плеханова В. А. эстетическая наполненность интерьера кухни меняется в зависимости от модных тенденций, финансовых возможностей пользователей. Актуальные веяния, дорогостоящие новейшие технологии и материалы можно встретить в интерьерах обеспеченных слоев населения. В жилье среднего и экономкласса встречаются лишь некоторые элементы. Важно обратить внимание «на колоссальный разрыв в качестве массового и элитного жилья и несравнимую повседневность разных социальных слоев российского общества». На статусной ценности интерьера акцентируют внимание верхние социальные слои [21, с. 116–136].

Таким образом, на сегодняшний день можно говорить о множественных моделях интерьера кухни. Для современного повседневного пространства характерны различные планировки (кухни-гостиные, квартиры-студии с зоной приготовления и принятия пищи, изолированные кухонные пространства) и вариативность стилистических решений. Разнообразие материалов, технологий, предметов наполнения, доступность по цене многих из них, возможность выбрать планировку квартир и домов, персонализировать предметно-пространственную среду обитания человека согласно его образу жизни, вкусам, привычкам, ценностям. Каждый пользователь вкладывает свое значение и смыслы в жилое пространство. Для большинства семей кухня — это центр дома,

место, которое связано с семейными ценностями и традициями, зона труда, отдыха, общения, что можно обозначить как преобладающую тенденцию современности.

Заключение.

Интерьер кухни как пространство в культуре повседневности мы можем представить как отдельную семиотическую систему, которая хранит информацию о времени и месте предназначения. Культурная роль пространства приготовления и приема пищи, его ценность менялись в зависимости от исторической эпохи, на первый план выходили различные смыслы. Влияние на культурно-семиотическое значение оказывали политические, экономические, идеологические процессы, развитие науки и техники. Рассматривая интерьер кухни диахронно, мы можем выделить определенные семиотические аспекты, характерные для разных периодов.

Культурно-семиотическая функция интерьера кухни как повседневного пространства берет свое начало в период развития славянской культуры и связана с двойственной ролью места приготовления и принятия пищи как религиозного центра и центра осуществления процессов питания, что говорит об изначально высокой ценности зоны приготовления и принятия пищи и расположении здесь культурного центра дома.

В Древнерусском государстве зона приготовления и принятия пищи начинают существовать отдельно друг от друга. Высокая культурная ценность сохраняется за местом трапезы, зона приготовления пищи имеет низкую культурную ценность, выполняет утилитарную роль и по расположению смещается от центра на периферию культурного пространства дома. Данная тенденция сохраняется до второй половины XX в. В советский период зона приготовления пищи постепенно становится более значимым местом благодаря своей коммуникативной функции в коммунальных квартирах, которую в дальнейшем унаследовало и индивидуальное жилье. Во второй половине XX в. создаются предпосылки, формирующие значение кухни как культурного центра дома: зона приготовления и приема пищи объединяются в одном пространстве. В настоящее время, при наличии множественных моделей интерьера кухни, данная тенденция является одной из наиболее распространенных.

Повседневный интерьер кухни сегодня объединяет все процессы питания, выполняет духовно-нравственную, социально-статусную, эстетическую, утилитарную роль. На первый план выступают функции общения и взаимодействия. С точки зрения дизайнерской практики понимание культурно-семиотических аспектов интерьера кухни важно для создания качественных проектных решений, направленных на запросы современного пользователя, для которого важна не только практическая составляющая. Функции приготовления и приема пищи уходят на второй план, становятся базой, на которую надстраиваются другие смыслы. Значение кухни как центра дома, по нашему мнению, будет преумножаться, так как внимание современной государственной культурной политики обращено к сохранению семейных ценностей и традиций. Именно в сохранении и преумножении значения семьи, рода заключается дальнейшее развитие и процветание государства, в чем немаловажную роль играет дом как повседневное личное пространство каждого гражданина и кухня как место сплочения и взаимодействия семьи.

Рассмотренный подход к исследованию интерьера кухни позволил наметить направление дальнейшей работы, а именно более углубленное изучение культурно-семиотических аспектов предметной среды зоны приготовления и принятия пищи в контексте повседневности.

Список литературы

Исследования

- 1 *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М.: Юрайт, 2024. Т. 2. 494 с.
- 2 *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М.: Языки славянской культуры, 2005. 224 с.
- 3 *Барсукова Н.И.* Русская повседневная культура — особенности организации жилого пространства // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 327–342.
- 4 *Бартенев И.А.* Русский интерьер XIX века / И.А. Бартенев, В.Н. Батажкова. Л.: Художник РСФСР, 1984. 228 с.
- 5 *Бломквист Е.Э.* Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX века / Е.Э. Бломквист, Н.И. Лебедева, Г.С. Маслова. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. 805 с.
- 6 *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 1995. 168 с.
- 7 *Горелова Ю.Р.* Пространство как ключевая категория архитектурной теории // Вестник СиБАДИ. 2016. Т. 6 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvo-kak-klyuchevaya-kategoriya-arhitekturnoy-teorii> (дата обращения: 13.05.2024).
- 8 *Дворянские усадьбы России.* М.: Эксмо, 2009. 248 с.
- 9 *Забылин М.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия: в 4 ч. М.: Изд-во Ин-та русской цивилизации, 2014. 688 с.
- 10 *Иконников А.В.* Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. М.: КомКнига, 2006. 349 с.
- 11 *Калязина Н.В.* Дворец Меншикова в Санкт-Петербурге: история, реставрация, музей. СПб.: Русско-Балтийский информ. центр «БЛИЦ», 1996. 138 с.
- 12 *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие на слове. Мир человека. СПб.: Изд-во филол. фак-та Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2000. 326 с.
- 13 *Лелеко В.Д.* Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: [б. и.], 2002. 303 с.
- 14 *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 1994. 399 с.
- 15 *Махлина С.Т.* Искусство интерьера. СПб.: Знание, 1992. 32 с.
- 16 *Махлина С.Т.* Семиотика культуры и искусства: опыт энциклопедического словаря. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та культуры, 2000. Ч. 1–2. 552 с.
- 17 *Наумова Ю. С.* Парадные кухни петровской эпохи // Искусство и дизайн: история и практика 2022: сб. ст. СПб, 2022. С. 154–160.
- 18 *Нидерле Л.* Славянские древности / пер. с чеш. Т. Ковалевой, М. Хазанова. М.: Алетейя, 2000. 590 с.
- 19 *Орлов А.И.* Русская отопительно-вентиляционная техника. М.: Аква-Терм, 2010. 224 с.
- 20 *Орлов И.Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 317 с.
- 21 *Плеханова В.А.* Стиль и формообразование интерьера жилища в советский и постсоветский периоды как опыт эстетизации российской повседневности / В.А. Плеханова, Н.А. Коноплева. М.: Директ-Медиа, 2022. 332 с.

- 22 Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М.: Наука, 1988. 312 с.
- 23 Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Академический Проект, 2013. 640 с.
- 24 Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.: Наука, 1982. 327 с.
- 25 Сивак Н.А. Семантика культурного пространства русского дворцового интерьера XVIII в.: автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2006. 20 с.
- 26 Сливенко А.В. Дома-коммуны: социальные проекты советских архитекторов // Гуманитарный акцент. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doma-kommuny-sotsialnye-proekty-sovetskih-arhitektorov> (дата обращения: 13.05.2024).
- 27 Соловьев Н.К. История современного интерьера. М.: Сварог и К, 2004. 399 с.
- 28 Стругова О.Б. Мебель в русском интерьере конца XIX – начала XX веков. М.: Издат. дом Руденцовых, 2005. 443 с.
- 29 Тьдман Л.В. Изба. Дом. Дворец. Жилой интерьер России с 1700 по 1840 годы. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 332 с.
- 30 Хан-Магомедов С.О. Пионеры советского дизайна. М.: Галарт, 1995. 423 с.
- 31 Черепихина А. Н. История художественной обработки изделий из древесины. М.: Высшая школа, 1987. 191 с.
- 32 Шенников А.А. Устройство и назначение поварни // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л.: [б. и.], 1970. Вып. 15. С. 111–126.
- 33 The Kitchen. Life World, Usage, Perspectives. Switzerland: Birkhauser — Publishers for Architecture, 2006. 160 p.

Источники

- 34 Бараки. Как жило большинство советских граждан // Livejournal. URL: <https://maxim-nm.livejournal.com/282950.html?ysclid=m0qp3340s2397101830> (дата обращения: 05.03.2024).
- 35 Все в одном: феномен советской кухни // Мир24. URL: <https://mir24.tv/articles/16288672/vse-v-odnom-fenomen-sovetskoi-kuhni> (дата обращения: 20.01.2024).
- 36 Дворец Монплеизир // Музеи России: Наш Петергоф. URL: <http://win-peterhof.narod.ru/Peterhof.doc/monplzrIN.htm> (дата обращения: 11.09.2025).
- 37 Интерьеры постсоветской Москвы в 1990 годы // Houzz Россия. URL: <https://www.houzz.ru/statyi/istoriya-dizayna-interyery-postsovetskoy-moskvy-v-1990-e-gody-stsetivw-vs~76622145> (дата обращения: 05.03.2024).
- 38 С видом на Кремль: как строился знаменитый Дом на набережной в Москве и какая участь постигла его известных жильцов // Вокруг света. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/389/?ysclid=mfh0yb7qgy586231169> (дата обращения: 12.09.2025).

© 2025. Yuliya S. Naumova
Kirov, Russia

KITCHEN INTERIOR AS A SPACE OF EVERYDAY LIFE: CULTURAL-SEMIOTIC ASPECT

Abstract: Kitchen interior is a subject-spatial environment included in the everyday life of a person and meeting both material and spiritual needs of society. This study focuses on the category of kitchen interior space in the context of the semiotics of culture — one of the areas of everyday life research. Each historical stage, social group influence the space surrounding a person. Kitchen interior as a part of the living space is a carrier of meanings, reflecting the value system of a person of certain era. The paper considers semiotic aspects of the kitchen interior, including the cultural value of the cooking and eating area, which can be defined as utilitarian, religious, moral, social-status, aesthetic. The author explores changes in the cultural value of the kitchen interior, their boundaries, relationship with the center of the house in Russian everyday culture along the vertical of development. The following periods are highlighted for analysis: the pre-state epoch of the culture of the ancient Slavs, the period of Russian culture from the foundation of the Old Russian state in the 9th century to the 17th century, the period of imperial Russia, the Soviet, post-Soviet stage and modernity. Diachronic consideration of the kitchen space allowed to come to the idea of its semiotic facets, characteristic of different eras, and to reveal the features and patterns of development.

Keywords: Interior, Kitchen, Culture, Everyday Life, Semiotics, Space, Design.

Information about the author: Yuliya S. Naumova — PhD in Arts, Associate Professor of the Department of Technology and Design, Vyatka State University, Moskovskaya St., 36, 610000 Kirov, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8611-1702>

E-mail: u-naumova00@mail.ru

Received: September 20, 2024

Approved after reviewing: April 15, 2025

Date of publication: September 25, 2025

For citation: Naumova, Y.S. “Kitchen Interior as a Space of Everyday Life: Cultural-semiotic Aspect.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 77, 2025, pp. 85–101. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-85-101>

References

- 1 Afanas'ev, A.N. *Poeticheskie vozzreniia slavian na prirodu: v 3 t.* [Poetic Views of the Slavs on Nature in 3 vols.], vol. 2. Moscow, Iurait Publ., 2024. 494 p. (In Russ.)
- 2 Baiburin, A.K. *Zhilishche v obriadakh i predstavleniiakh vostochnykh slavian* [Dwelling in the Rituals and Beliefs of the Eastern Slavs]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2005. 224 p. (In Russ.)
- 3 Barsukova, N.I. “Russkaia povsednevnaia kul'tura — osobennosti organizatsii zhilogo prostranstva” [“Russian Everyday Culture — Features of Organization of the Living Space”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 49, 2018, pp. 327–342. (In Russ.)

- 4 Bartenev, I.A., Batazhkova, I.A. *Russkii inter'er XIX veka* [*Russian Interior of the 19th Century*]. Leningrad, Khudozhnik RSFSR Publ., 1984. 228 p. (In Russ.)
- 5 Blomkvist, E.E., Lebedeva, N.I., Maslova, G.S. *Vostochnoslavianskii etnograficheskii sbornik. Ocherki narodnoi material'noi kul'tury russkikh, ukraintsev i belorusov v XIX – nachale XX veka* [*East Slavic Ethnographic Collection. Essays on the Folk Material Culture of Russians, Ukrainians and Belarusians in the 19th – Early 20th Centuries*]. Moscow, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1956. 805 p. (In Russ.)
- 6 Bodriiia, Zh. *Sistema veshchei* [*The System of Things*]. Moscow, Rudomino Publ., 1995. 168 p. (In Russ.)
- 7 Gorelova, Iu.R. “Prostranstvo kak kliuchevaia kategoriia arkhitekturnoi teorii” [“Space as a Key Category of Architectural Theory”]. *Vestnik SibADI*. 2016. Vol. 6 (52). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvo-kak-klyuchevaya-kategoriya-arhitekturnoy-teorii> (Accessed 13 May 2024). (In Russ.)
- 8 *Dvorianskii usad'by Rossii* [*Noble Estates of Russia*]. Moscow, Eksmo Publ., 2009. 248 p. (In Russ.)
- 9 Zabylin, M. *Russkii narod. Ego obychai, obriady, predaniia, sueverii i poezii: v 4 ch.* [*Russian People. Its Customs, Rituals, Legends, Superstitions and Poetry: in 4 parts*]. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2014. 688 p. (In Russ.)
- 10 Ikonnikov, A.V. *Prostranstvo i forma v arkhitekture i gradostroitel'stve* [*Space and Form in Architecture and Urban Planning*]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 349 p. (In Russ.)
- 11 Kaliagina, N.V., Kaliagin, E.A. *Dvorets Menshikova v Sankt-Peterburge: istoriia, restavratsiia, muzei* [*Menshikov Palace in St. Petersburg: History, Restoration, Museum*]. St. Petersburg, Russian Baltic Information Center “The Blitz” Publ., 1996. 138 p. (In Russ.)
- 12 Kolesov, V.V. *Drevniaia Rus': nasledie na slove. Mir cheloveka* [*Ancient Rus': Heritage in Words. The World of Man*]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2000. 326 p. (In Russ.)
- 13 Leleko, V.D. *Prostranstvo povsednevnosti v evropeiskoi kul'ture* [*Everyday Life Space in European Culture*]. St. Petersburg, [s. n.], 2002. 303 p. (In Russ.)
- 14 Lotman, Iu.M. *Besedy o russkoi kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [*Conversations about Russian Culture. Everyday Life and Traditions of the Russian Nobility (18th – Early 19th Centuries)*]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 1994. 399 p. (In Russ.)
- 15 Makhlina, S.T. *Iskusstvo inter'era* [*Art of the Interior*]. St. Petersburg, Znanie Publ., 1992. 32 p. (In Russ.)
- 16 Makhlina, S.T. *Semiotika kul'tury i iskusstva: opyt entsiklopedicheskogo slovaria* [*Semiotics of Culture and Art: Encyclopedic Dictionary Experience*], part 1–2. St. Petersburg, St. Petersburg State University for Culture Publ., 2000. 552 p. (In Russ.)
- 17 Naumova, Iu. S. “Paradnye kukhni petrovskoi epokhi” [“State Kitchens of the Era of Peter the Great”]. *Iskusstvo i dizain: istoriia i praktika 2022: sb. st.* St. Petersburg, 2022. pp. 154–160. (In Russ.)
- 18 Niderle, L. *Slavianskie drevnosti* [*Slavic Antiquities*], trans. from Czech T. Kovalevoi, M. Khazanova. Moscow, Aleteia Publ., 2000. 590 p. (In Russ.)

- 19 Orlov, A.I. *Russkaia otopitel'no-ventiliatsionnaia tekhnika* [Russian Heating and Ventilation Equipment]. Moscow, Akva-Term, 2010. 224 p. (In Russ.)
- 20 Orlov, I.B. *Sovetskaia povsednevnost': istoricheskii i sotsiologicheskii aspekty stanovleniia* [Soviet Everyday Life: Historical and Sociological Aspects of Formation]. Moscow, The Higher School of Economics Publishing House Publ., 2010. 317 p. (In Russ.)
- 21 Plekhanova, V.A., Konopleva, N.A. *Stil' i formoobrazovanie inter'era zhilishcha v sovetskii i postsovetskii periody kak opyt estetizatsii rossiiskoi povsednevnosti* [Style and Formation of the Interior of the Home in the Soviet and Post-Soviet Periods as an Experience of Aestheticization of Russian Everyday Life]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2022. 332 p. (In Russ.)
- 22 Rabinovich, M.G. *Ocherki material'noi kul'tury russkogo feodal'nogo goroda* [Essays on the Material Culture of a Russian Feudal City]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 312 p. (In Russ.)
- 23 Rybakov, B.A. *Iazychestvo drevnikh slavian* [Paganism of the Ancient Slavs]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2013. 640 p. (In Russ.)
- 24 Sedov, V.V. *Vostochnye slaviane v VI-XIII vv.* [Eastern Slavs in the 6th-13th Centuries]. Moscow, Nauka, 1982. p. (In Russ.)
- 25 Sivak, N.A. *Semantika kul'turnogo prostranstva russkogo dvortsovogo inter'era XVIII v.* [Semantics of the Cultural Space of the Russian Palace Interior of the 18th Century: PhD Thesis, Summary]. St. Petersburg, 2006. 20 p. (In Russ.)
- 26 Slivenko, A.V. “Doma-kommuny: sotsial'nye proekty sovetskikh arkhitektorov” [“Communal Houses: Social Projects of Soviet Architects”]. *Gumanitarnyi aktsent*. 2022. No. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/doma-kommuny-sotsialnye-proekty-sovetskikh-arhitektorov> (Accessed 13 May 2024). (In Russ.)
- 27 Solov'ev, N.K. *Istoriia sovremennogo inter'era* [History of the Modern Interior]. Moscow, Svarog i K Publ., 2004. 399 p. (In Russ.)
- 28 Strugova, O.B. *Mebel' v russkom inter'ere kontsa XIX – nachala XX vekov* [Furniture in Russian Interiors of the late 19th – Early 20th Centuries]. Moscow, Izdatatel'skii dom Rudentsovykh Publ., 2005. 443 p. (In Russ.)
- 29 Tydman, L.V. *Izba. Dom. Dvorets. Zhiloi inter'er Rossii s 1700 po 1840-e gody* [Izba. House. Palace. Residential Interior of Russia from 1700 to 1840]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2000. 332 p. (In Russ.)
- 30 Khan-Magomedov, S.O. *Pionery sovetskogo dizaina* [Pioneers of Soviet Design]. Moscow, Galart Publ., 1995. 423 p. (In Russ.)
- 31 Cherepakhina, A. N. *Istoriia khudozhestvennoi obrabotki izdelii iz drevesiny* [The History of Artistic Processing of Wood Products]. Moscow, Vysshaia shkola, 1987. p. (In Russ.)
- 32 Shennikov, A.A. “Ustroistvo i naznachenie povarni” [“Structure and Purpose of the Cookhouse”]. *Doklady otdelenii i komissii Geograficheskogo obshchestva SSSR* [Reports of Departments and Commissions of the Geographical Society of the USSR], vol. 15. Leningrad, [s. n.], 1970, pp. 111–126. (In Russ.)
- 33 *The Kitchen. Life World, Usage, Perspectives*. Switzerland, Birkhauser — Publishers for Architecture Publ., 2006. 160 p. (In English)